

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк сороковой

ГАТЧИНСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

АНТОН МЕЙНГАРДОВИЧ ШИФНЕР-МАРКЕВИЧ (1887 – 1921)

Дед его, Антон Антонович (1817 – 1879), был сыном ревельского (таллиннского) купца, выходца из Богемии (Чехии) Антона Шифнера и его жены, урождённой Шнейдер. Антон-младший окончил школу при главном ревельском соборе, а затем – юридический факультет Петербургского университета. Однако юриспруденцией заниматься не стал, а обратился к любимой ещё с детства лингвистике. Совершенствование в этой науке он продолжил в Берлинском университете. Вернувшись в Петербург, Антон Антонович вначале преподавал латинский и греческий языки в гимназии, а с 1848 года навсегда связал свою жизнь с Академией наук, став её экстраординарным академиком, директором II отделения её библиотеки, известным ориенталистом. Кроме того, он 13 лет служил в католической Духовной академии профессором классических языков. Его знание самых разных языков поражало: кроме европейских языков, труды его касались санскрита, тибетского, финского, ряда кавказских языков и языков народов Севера (остякский, юкагирский, бурятский и тунгусский).

Известно, что у Антона Антоновича и его жены, Розы Матвеевны (1821 – 1903), были дочь Леопольдина и сын Мейнгард. Леопольдина жила в Петербурге вплоть до 1912 года.

Мейнгард Антонович Шифнер (1856 – 1918) окончил Петербургский университет в звании кандидата математики, а затем, повторив судьбу отца, не стал служить по специальности, а сделался профессиональным военным. Для этого он окончил Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. Вначале служба Мейнгарда проходила в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде, которая квартировала на Измайловском проспекте Петербурга. Затем он служил в Кавказской резервной артиллерийской бригаде, 51-й артиллерийской бригаде и в 3-м Кавказском армейском корпусе. К началу Великой войны Мейнгард, пройдя все ступени офицерской службы, стал генерал-лейтенантом. Принял участие в этой войне, заслужив орден св. Владимира 2 степени с мечами, орден Белого Орла с мечами и Георгиевское оружие. К сожалению, судьба Мейнгарда Шифнера, как и судьба многих высших офицеров бывшей Российской Императорской армии, была трагической: в 1918 году большевики расстреляли его.

Мейнгард Шифнер был женат дважды. Одну из его жен звали Милослава Игнатьевна. Всего у Мейнгарда было 10 детей. Имена двух из них известны: Антон Мейнгардович Шифнер и его брат Георгий Мейнгардович Шифнер,

поручик лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, расстрелянный в 1918 году большевиками, как и его отец.

Антон Мейнгардович родился во Владикавказе Терской области. Окончил кадетский корпус Императора Александра II и Михайловское артиллерийское училище (1907). В чине подпоручика Антон в 1907 году начал службу в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде в Петербурге. Именно в это время он поселился в Гатчине на Николаевской (Урицкого) улице, в доме Байкова (№2). Дом этот находился на углу улиц Николаевской и Ксениинской (Леонова). Теперь на этом месте – Гатчинский Районный узел связи.

В 1910 году Антон был произведен в поручики и переехал в Петербург, где поступил в Николаевскую военную академию. Окончив её в 1913 году, он получил назначение на должность командира роты 11-го гренадерского Фанагорийского полка. Во время Великой войны Антон служил на штабных должностях.

Октябрь 1917 года подполковник Антон Шифнер встретил в должности начальника штаба 34-й пехотной дивизии. Власть большевиков Шифнер не принял. В начале 1918 года он уже участвовал в формировании Добровольческих частей на Румынском фронте. В августе того же года Антон начал службу в Добровольческой армии в качестве начальника штаба партизанской бригады А.Г. Шкуро. Позднее Шифнер воевал в составе Вооружённых сил Юга России и в Русской армии генерала Врангеля, командовал дивизиями. Вот что написано об Антоне Шифнере в воспоминаниях Ф. И. Елисеева «С хоперцами»:

«В 10-х числах ноября (1919 года – В. К.) 1-я Кавказская казачья дивизия сосредоточилась в селении Олыпанка или Волоконовка... Здесь произошло некоторое перемещение старших начальников и переформирование полков. Сюда из Екатеринодара вернулся начальник штаба Шкуро, Генерального штаба генерал-майор Шифнер-Маркевич. Следствием этого было – генералы Шкуро и Губин немедленно же выехали в Екатеринодар, и в командование дивизией вступил Шифнер-Маркевич...

Появление генерала Шифнер-Маркевича восторженно приветствовалось всеми в дивизии. Все говорили о нём как о храбром и умном генерале и добром человеке. Я его совершенно не знал и не видел ни разу. Верхом он проехал по полкам, выстроенным в конном строю за селом. Небольшого роста, чистенький, гладко выбритый, пухленький, как будто «нежный» на вид – он произвёл на меня впечатление, как что-то игрушечное. Лицо его было нежно и совсем не боевое, «окуренное в боях», как принято говорить. Ему было 35 – 40 лет, не больше. Поздоровавшись с полками, он произнёс: «В тылу, на Кубани – раздавлена крамола! Власть перешла в руки военных! И теперь, на фронте, будет лучше!» Какая крамола? где? у кого? – этого он не сказал казакам, и мы были в полном неведении. И лишь потом только мы узнали, что было арестовано несколько членов Кубанской краевой рады... Ничего не зная, по его предложению прокричать «ура» этому событию, казаки, ничего не понимая, лениво прокричали короткое «ура!», а кому и почему – не знали даже и мы, командиры полков. А тому, что «на фронте будет лучше после этого», мы мало поверили. Нам-то здесь было гораздо виднее!

Первым приказом генерала Шифнер-Маркевича по дивизии было: «Ввиду малочисленности полкового состава, бригады сворачиваются в Сводные полки. 1-й и 2-й Хоперские полки образуют Сводно-Хоперский полк, под командой полковника Елисеева Феодора, а 1-й и 2-й Кубанские партизанские конные полки сводятся в Сводно-Партизанский конный полк под командованием полковника Соломахина Михаила. Отдельные функции по полкам отправляются только в хозяйственном отношении».

...В группе сёл севернее Валуйки, вдоль полотна железной дороги, наша

Шифнер-Маркевич А.М.

дивизия держала фронт, чередуясь полками. Был конец ноября. Пехота красных, тесня нас, занимала одно село за другим. Сёла здесь были частые. Последние два села, занятые каждой стороной, разделял пустырь в 500 – 600 шагов. На улицах нашего села нельзя было показаться, даже и пешком. Обстрел села был нудный, но постоянный и нервировал казаков. Присутствие Шифнер-Маркевича ободряло казаков и вносило успокоение. Генерал был всегда спокоен, но при встречах с кем бы то ни было был очень разговорчив. Ежедневно приглашал нас, командиров полков, в свой штаб, угощал чаем и любил шутить. В нём совершенно не чувствовался тип того старшего начальника, перед которым надо «тянуться».

С полковником Соломахиным они были старые шкуринцы, оба носили волчьи папахи. Соломахина он называл «Миша, и ты», а тот его – «Ваше превосходительство». Меня он называл по фамилии, как совершенно неведомого

ему. Он знал в лицо и по фамилиям почти всех офицеров-шкуринцев первых боевых молодецких дел Шкуро и, встречая их, подавал руку запросто. А они, с почтительно-радостной улыбкой, только прищёлкивали своими сапогами и сами первыми произносили: «Здравия желаю, Ваше превосходительство!». Знал он и некоторых казаков. Казаки не шарахались от него, а старались попасться ему на глаза и первыми произносили приветствие: «Здравия желаю...».

За селом была захвачена рота с двумя пулеметами, стремившаяся остановить казаков. И пока на моё донесение прибыл генерал Шифнер-Маркевич и полковник Соломахин со своим Партизанским полком, Сводно-Хоперский полк уже согнал всех пленных вместе с шестью пулемётами. Это оказался батальон, силой около 400 человек, занимавший это село. Конница батальона и два пулемета успели ускакать в следующее село, отстоявшее в двух верстах. Шифнер-Маркевич пешком обходит пленных, всматривается в их лица, расспрашивает – какой части? где другие части? кто командует? много ли у красных пушек, пулеметов? Он на месте творил живое дело, думал и решал. И всё сам, один, во всё вникающий и никого не ругающий, а только распоряжается, как хороший хозяин, который должен знать – что у него происходит в хозяйстве.

Красноармейцы трясутся от холода и страха, но он и их ободрил, сказав: вы русские солдаты и вам ничего не будет.

Полки горели желанием двигаться дальше, но он сказал, что это не входит в задачу дивизии. К тому же нас мало, а красные там могут нас встретить уже как следует, почему надо занять прочно только это село. Одиночные казаки-хоперцы, увлекшись преследованием, ворвались в следующее село, но были отражены огнём красных и оставили там упавшего с коня казака – убитого или раненого – они не знают. Убитый казак был 2-го Хоперского полка. Шифнер-Маркевич приказал выручить тело именно трём сотням 2-го Хоперского полка, но не иному полку.

**А.М. Шифнер-Маркевич (сидит в центре) со своим штабом
1920 год**

Глубокий снег, покрытый мёрзлой корой, не позволял сотням двигаться без дорог. Основная дорога лежала по пролеску. По ней, меж тёмными кустарниками, сотни тихо подошли к селу без дозоров. Остановив сотни, рассказал, что надо сразу броситься с криками «ура!» вдоль по улице и со стрельбою вверх, чтобы навести панику. Головной сотне проскочить всё село, ежели возможно, и немедленно же вернуться назад, пока мы разыщем раненого или убитого своего казака. И... по селу вновь затрещали и выстрелы, и дикий «гик-ура!» всегда удалых хоперцев. Красные, видимо, того и ждали или здесь уже не было их пехоты. Но конная группа с окраины села молнией метнулась вдоль улицы на север и скрылась в неизвестности. Застывшее тело убитого хоперца лежало у околицы. С дорогой ношей поперёк седла сотни представились своему генералу, выполнив его задачу, как он сказал: «Тело своего товарища надо выручить своими же».

...1-я Кавказская казачья дивизия генерала Шифнер-Маркевича в стыке Донской и Добровольческой армий представляла собой маленький, забытый всеми осколок кубанских казаков шашек в 600, при двух десятках пулеметов и четырёх орудиях 1-й Терской казачьей батареи есаула Соколова. Дивизия вела бои совершенно самостоятельно и лишь тогда, когда «откуда-то» наседали на неё противник. Возглавление дивизии генералом Шифнер-Маркевичем – это была единственная наша духовная отрада и веская надежда, что этот умный, добрый, как и деликатный начальник, лишённый всякого тщеславия, ведёт нас правильно. Казаки ему верили и следовали за ним безбоязненно.

...Он (генерал Шкуро – В. К.) дал мне краткие сведения и о своём начальнике штаба 3-го Конного корпуса, Генерального штаба генерал-майоре Шифнер-Маркевиче, о котором отзывался как о выдающемся офицере, мягком, честном, добром и храбром человеке. ...Шкуро и Шифнер-Маркевич были почти одногодки. Им тогда, в годы их боевой славы, не было и по 35 лет от рождения каждому. Но – какие подвиги совершали! И как были популярны среди казачества! Нормально и последовательно полученное военное образование в мирное время, потом последовательно проходящий стаж командования

воинскими соединениями, естественно, развивает в офицере понимание своей специальности и способных выдвигает на первое место. Это закон природы... В каждой специальности одни бывают хорошие, а другие выдающиеся.

Ещё несколько строк о генерале Шифнер-Маркевиче. При отступлении он неизменно находился в последних рядах, следуя в хвосте арьергардного полка. Мы, два командира, верхом идём по обе стороны генерала, который был всегда бодр и разговорчив. Под ним маленькая захудалая белая лошадёнка обозного сорта. Она идёт тихо, осторожно и от усталости, и от своей физической немощности. В седле он нам с Соламахиным, сидящим на рослых лошадях, верхом своей папахи доходит только до плеч. Как-то неудобно было, разговаривая с ним, смотреть сверху вниз. Воспользовавшись его всегда добрым отношением к нам, я как-то спросил: Почему Вы, Ваше превосходительство, взяли себе под седло такую слабенькую лошадёнку? В случае нажима красной конницы Вы ведь и не уйдёте! А-а... Это нарочно! – отвечает быстро он и, как всегда, немного заикаясь. – Я взял такую слабенькую лошадёнку для того, чтобы казаки не думали, что генерал может уйти, ежели наскочит красная конница... следовательно, казаки не оставят меня и мы дадим бой, – заканчивает он уже серьёзно. Удивительно большая душа была в этом маленьком ростом и как будто штатском внешне человеке – в фигуре, в лице, в пенсне под нахлобученной на глаза папахой волчьей шерсти. Его я ещё раз увижу в Адлере, на Черноморском побережье, в средних числах апреля 1920 года, когда он, вследствие своей авторитетности, сыграл трагическую роль в капитуляции Кубанской армии».

А вот что писал о Шифнере-Маркевиче генерал Андрей Григорьевич Шкуров в своих «Записках белого партизана»:

« ...Ко мне в Партизанскую бригаду в качестве начальника штаба был назначен подполковник Генерального штаба Анатолий Михайлович Шифнер-Маркевич. Он произвёл на меня первоначальное впечатление человека вялого и нераспорядительного; я готов был всячески от него отделаться. Однако впоследствии я убедился, что это замечательный офицер, и совершенно переменяю о нём свое мнение...

...Тем временем Шифнер-Маркевич вёл бои с красными на левом берегу Днепра, против Екатеринослава.

15 июля, увлекшись преследованием, три сотни партизан на карьере, под пулемётным огнём, проскочили по железнодорожному мосту через Днепр, овладели двумя батареями в упряжке и, повернув их против красных, открыли по ним огонь. Красная пехота обратилась в бегство, но неприятельская артиллерия, открыв огонь по мосту, отрезала эти сотни от их дивизии. Не желая терять этих храбрецов, Шифнер перешёл в наступление всей дивизией и вопреки директиве укрепиться на левом берегу Днепра занял Екатеринослав.

Измученное ужасами большевизма, население умоляло не отдавать снова города во власть красных, и Ставка разрешила оставить город за нами. Я никогда не забуду въезда моего в Екатеринослав. Люди стояли на коленях и пели «Христос Воскресе», плакали и благословляли нас. Не только казаки, но и их лошади были буквально засыпаны цветами. Духовенство в парадном облачении служило повсеместно молебны. Рабочие постановили работать на Добрармию по мере сил. Они исправляли бронепоезда, бронеплощадки, чинили пушки и ружья. Масса жителей вступала добровольцами в войска. Подъём был колоссальный...

Однако наше положение в этом районе отнюдь не могло быть названо прочным. Значительно превосходные силы красных под начальством матроса

Дыбенко неоднократно переходили в наступление. Однако Шифнер-Маркевич, маневрируя с необыкновенным искусством, кружась в пространстве 80 верст и нанося короткие удары то здесь, то там, разбил по частям всю армию Дыбенко».

В Гражданскую войну генерал Шифнер был дважды тяжело ранен: в августе 1920 года во время десанта генерала Улагая на Кубань и в октябре того же года в последних боях на Перекопе.

Шифнер-Маркевич навещает своего друга в госпитале

Эвакуированный в Галлиполи, Шифнер, навещая в госпиталях больных чинов своей дивизии, заразился от них сыпным тифом и через три дня, 21 января 1921 года, скончался.

На его могиле был поставлен крест с надписью «Сим победиши». В годы Гражданской войны один из бронепоездов Белой армии носил его имя.

Шифнер-Маркевич был женат на Марии Фёдоровне (род. в 1893), урождённой баронессе Засс. У них был сын Михаил (род. в 1918)

На снимке: панихида на могиле А.М. Шифнера-Маркевича. В шапочке и шарфе – его вдова Мария Фёдоровна.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ